

О. П. Илюха

РУССКИЙ УЧИТЕЛЬ В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИНКУЛЬТУРАЦИИ И АДАПТАЦИИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-129-137

УДК 94(470.22)“18/19” ББК 63.3(235.1)53

В настоящей статье ставится задача показать сферы, в которых происходила инкультурация русских учителей в карельском сельском социуме конца XIX — начала XX в., в период быстрого роста этой профессиональной группы. Учителя наряду с другими представителями формировавшейся сельской интеллигенции — священниками, фельдшерами, агрономами, а также работниками сельской администрации составляли этнодисперсную группу русских на территории Карелии. Начиная с учителя, осуществлявшему культурно-просветительскую, цивилизующую миссию, предстояло вписаться в местный социум, добиться понимания и доверия карельских крестьян в целях решения школой задачи укрепления позиций православия, усиления роли русского языка и просвещения карельского населения, завоевания его лояльности путем «мягкой силы» в противовес насильственной русификации. На этом пути реализовывались различные персональные стратегии, полюсами которых можно считать, с одной стороны, дистанцирование от местных жителей, дезадаптацию и социальную деформацию, с другой стороны, рецепцию культурных особенностей карелов и инкультурацию, становившиеся основой процесса адаптации. Принятие местных табу и поведенческих правил, освоение карельского языка, корректировка школьной педагогики с учетом базовых народных представлений о воспитании детей — типичные составляющие социальной и профессиональной адаптации учителя в карельской деревне. С опорой на отчеты учителей и школьных инспекторов, учительские публикации в печати, записки путешественников и другие источники показано, что в быту происходило стихийное, в значительной мере ситуативное заимствование элементов этнической культуры, тогда как в профессиональной сфере передовые педагоги осознанно учитывали местную культурную специфику, результатом чего стала, в частности, корректировка школьного календаря и дисциплинирующих практик в школе.

Ключевые слова: *история России, Карелия, межкультурные контакты, история школы, история повседневности, профессиональная адаптация учителя*

Межэтнические взаимодействия в широком плане зачастую характеризуются с помощью метафоры диалога, что подразумевает амбивалентность процесса. Результатами многообразных форм контактирования представителей различных культур могут быть взаимные влияния, начиная от частных заимствований, рецепции отдельных инокультурных явлений до адаптации — приспособления человека или группы, общности к чужой изначально среде. Процесс адаптации такого рода включает как минимум две фазы. Первой является инкультурация, когда происходит знакомство с нормами и правилами другой культуры. При развитии контактов возможна фаза аккумуля-

рации — усвоения и «присвоения» норм и традиций иной культуры.

В исследовательской литературе представлены значительные наработки в изучении адаптации этнических групп и массивов мигрантов в регионах с иной культурной средой. Применительно к периоду новой истории России речь обычно идет о сословно, классово или конфессионально однородных группах (например, крестьянах, военных, старообрядцах и т. д.), создававших диаспоры. Имеется обширная литература об этнолокальных группах и массивах, сложившихся в Сибири, на Урале, Кавказе в результате масштабных миграций конца XIX — первой трети XX в.¹ Разработаны подходы и методы исследования данной

*Илюха Ольга Павловна — д.и.н., в.н.с., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск)
E-mail: ilyukha.olga@mail.ru*

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания КарНЦ РАН, тема № 124022000029-0 «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации»

¹ См., напр.: Коровушкин Д. Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск, 2006; Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде. М., 2008; Зуев А. С. Русские на крайнем северо-востоке Сибири в XVII — начале XX века: динамика, направления и результаты этнокультурной адаптации в иноэтнической среде // Сибирь и Русский Север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII — начало XXI века). Новосибирск, 2014. С. 55–87.

проблематики, показана зависимость интенсивности инокультурных заимствований от характера расселения мигрантов и других особенностей жизни.²

Наряду с этими достижениями малоизученными остаются проблемы адаптации специалистов, профессионалов, которые приезжали на место работы в индивидуальном порядке и зачастую в одиночку взаимодействовали с инокультурным окружением. В частности, таким было положение школьных учителей — представителей профессии, которая в конце XIX — начале XX в. становилась в России массовой в связи с быстрым развитием народного образования. Проблема адаптации русского учителя к инородческой среде поднималась в практическом плане в XIX в. Н. И. Ильминским и его последователями в различных национальных регионах России.³

В современной исследовательской литературе по истории образования поздней имперского периода адаптация учительства преподносится, как правило, в качестве группового феномена, как общая характеристика профессиональной группы, итог преодоления трудностей быта, выживания в условиях дефицита материальных ресурсов, оторванности от русской «ойкумены» и сложностей привыкания к новой языковой среде.⁴ Историки отмечают издержки этого процесса, например, ротацию женских кадров,⁵ которая может расцениваться как следствие дезадаптации. Учителя и священники рассматриваются в качестве акторов целенаправленной русификации инородцев, дополнявшей стихийное обрусение.⁶ При этом результат деятельности русских учителей в

инородческой местности подчас представляется как успех школьной политики, как «аккомодация региональной конструкции обучения к общероссийской системе».⁷ Таким образом, адаптация чаще всего предстает не столько как процесс в его конкретных проявлениях, сколько как следствие. В итоге вне поля зрения остаются повседневные практики взаимодействия конкретных учителей с местным сообществом, в русле которых протекал процесс адаптации.

Показательно, что исследовательская задача рассмотрения взаимоотношений с точки зрения инкультурации в карельской среде русских мигрантов — учителей, священников, фельдшеров, агрономов и других специалистов до сих пор отчетливо не формулировалась,⁸ при том, что такой подход может по меньшей мере уточнить имеющиеся представления и дать более объемное видение и процесса адаптации русских мигрантов, и взаимовлияния культур в целом. Важными при этом представляются наблюдения антропологов, этнологов, языковедов, историков о финно-угорском генетическом и культурном субстрате русского населения Европейского Севера, что наряду с очевидной близостью географических условий в итоге сказалось на схожести образа жизни, поведенческих практик, а также на относительно легкой рецепции поздних явлений соседними культурами.⁹

Долгое время само существование профессиональных субкультур не представлялось очевидным, поскольку профессионалы воспринимались как носители доминирующей культуры общества.¹⁰ Вместе с тем историко-культурная

² См.: Черных А. В., Вайман Д. И. Особенности взаимодействия немецкого населения Урала с другими этносами (конец XIX — первая треть XX вв.) // Проблемы социо- и психоллингвистики. 2012. № 16. С. 41.

³ См.: Слащина А. П. Российская имперская система образования в деколонизационной перспективе // Профессиональное образование в современном мире. 2023. Т. 13, № 1. С. 58.

⁴ См.: Железнякова Ю. Е. Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань, 2005; Зубков И. В. Российское учительство. Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М., 2010; Гуркина Н. К. Провинциальный учитель в дореволюционной России. СПб., 2014.

⁵ См.: Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. Русские учителя и учительницы в карельской деревне XIX — начала XX века: стратегии адаптации // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы XII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Калининград, 2019. С. 242–245.

⁶ См.: Пулькин М. В. Обрусение в XIX — начале XX вв.: специфические черты процесса (по материалам Европейского Севера России) // Studia Humanitatis. 2017. № 1. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28960142_72811257.pdf (дата обращения: 15.11.2023).

⁷ См.: Блейх Н. О. Просветительская стратегия Российской державы на Северном Кавказе в отношении мусульман (60–90-е годы XIX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13, № 3. С. 36–45.

⁸ Для современности актуальность такого подхода снижается, поскольку большинство населенных пунктов, имеющих школу, не являются этнически однородными, их население многонационально. Проблема адаптации и аккультурации современного учителя рассматривается по линии город — село: изучаются факторы и условия адаптации городских учителей к сельскому образу жизни и его рецепции. См.: Шерайзина Р. М., Александрова М. В., Ефлова З. Б. Сельская школа и сельский учитель: продуктивные российские и зарубежные практики // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 190–201.

⁹ См., напр.: «Краткое изложение очень сложной и большой темы»: лекция Кирилла Васильевича Чистова (д. Васильево, о. Кижь). Записано старшим научным сотрудником музея-заповедника «Кижь» Р. Б. Калашниковой 14 июня 1997 г. (комментарий и подготовка к публикации Е. А. Мельниковой) // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 43–59; Конкка А. П. Феномен карсикко-залази на Русском Севере // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 22–34.

¹⁰ См.: Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 1. С. 139–161.

среда, в контексте которой протекает профессиональная деятельность, вносит свои коррективы в ход ее реализации. Задача данной статьи — показать сферы рецепции явлений и феноменов карельской культуры русскими учителями, профессионально специфической и этнически инородной для карельской деревни группой. Рассмотрение культурного взаимодействия с точки зрения восприятия инокультурных явлений требует обращения к индивидуальным практикам, к опыту коммуникации в повседневной жизни — слабо документированной сфере. На основе текстов, созданных учителями (отчетов, воспоминаний, газетных заметок, журнальных статей и книжных публикаций), а также информации от наблюдателей за их трудом и бытом (инспекторов, крестьян, путешественников), попытаемся выявить и рассмотреть спектр бытовых и профессиональных повседневных практик, на которые оказывала сколь-либо ощутимое влияние карельская культура. Очевидно, что ход этих процессов влиял на результат адаптации и профессиональную траекторию учителей, выступавших в имперской политике образования в качестве «мягкой силы» в противовес насильственной русификации.¹¹

Сам факт появления учителя в деревне привлекал внимание крестьян. Вызывали интерес его внешний вид, поведение, круг общения. Исходная дистанция между образованным и неграмотным человеком дополнялась отношением к учителю как представителю власти, что в большей мере было характерно для южной части Карелии, имевшей длительные экономические и культурные связи с русским населением. На севере взгляд на «власть учительскую» был иной, как иным было и отношение к другим представителям «русского общества». Учитель из села Кимасозеро И. В. Оленев писал, что «и священника, и станового, и судью карел в разговоре наивно называет своим братом (вейко¹²) и фамильярно здоровается с ними за руку; если же кто вздумает показать свое превосходство над ним, карел смело выскажет, что он такой же человек, как и все».¹³

¹¹ Такой подход завоевывает сторонников среди российских исследователей: Любичанковский С. В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX в.). Оренбург, 2018.

¹² Так в тексте источника, имеется в виду *veikko* (кар.) — «брат» (обращение к старшему брату).

¹³ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 91.

Облик учителя или учительницы зависел от социального происхождения и уровня образования. Визуальные и вербальные образы учителей в публицистике своего времени, фотографические материалы представляют довольно широкий имиджевый диапазон — от изящного платья или строгого костюма и «городской» прически до крестьянского кафтана и грубой рубахи, дополненных соломенной или войлочной шляпой домашнего производства. Учителя «господского происхождения» первоначально вызывали настороженное отношение, тогда как выходцы из крестьян, которые на рубеже XIX–XX вв. преобладали среди местного учительства, пользовались благосклонностью односельчан. По данным за 1900 г., из 360 учителей и учительниц земских и министерских училищ Олонецкой губернии 48 % получили специальную подготовку (в учительской семинарии или на двухгодичных курсах), 26 % окончили средние учебные заведения, 25 % получили учительское звание по экзамену и около 1 % не имели прав на преподавание. В то же время в церковно-приходских школах лишь 3 % учителей прошли специальную учительскую подготовку, но доля преподавателей со средним образованием составляла 70 % (в основном это были потомственно образованные дочери священников, выпускницы епархиальных училищ), остальные имели незаконченное среднее или начальное образование. Шла неуклонная феменизация учительской профессии: в 1913 г. доля женщин составляла 62 % от всего учительского персонала начальных школ Олонецкой губернии.¹⁴

Успешный путь адаптации учителя в деревне современники видели в овладении языком местного населения и завоевании авторитета среди односельчан. Олонецкие земцы заявляли, что «не быть своим человеком в деревне для народного учителя равносильно тому, что не быть учителем».¹⁵ Вместе с тем прослойка карелов среди формирующегося учительства на рубеже веков была незначительной. Основной контингент начинающих учителей составляли выпускники учебных заведений Олонецкой и соседних губерний, русские по национальности.

Статус учителя, круг его знаний, безусловно, поддерживали социальный разрыв, но общая

¹⁴ См.: Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2007. С. 151, 153.

¹⁵ Краткая записка о развитии и состоянии грамотности в Повенецком уезде за 27-летний период времени с 1867 по 1893 гг. Петрозаводск, 1896. С. 47.

деревенская среда выступала объединяющим фактором. Контакты с крестьянами для русских учителей осложнялись языковым барьером. Многие из приступавших к трудовой деятельности в конце 1890-х — начале 1900-х гг. не знали карельского языка, поскольку на рубеже веков ни в одном учебном заведении, готовившем учительские кадры, он не преподавался.¹⁶ Учитель А. Андропов так характеризовал ситуацию: «Закинутый в глухой край, неопытный, со скудными знаниями деревенской жизни, не зная ни одного карельского слова, я положительно не знал, что делать. По-русски никто не говорил. У меня же ни словаря, ни руководств и пособий не было. Положение было из ряда вон выходящее...»¹⁷ Учителя, оторванные от русской этнической и профессиональной «ойкумены», были вынуждены прибегать к помощи случайных людей или учащих старших классов, владевших основами русского языка. Подобная практика («прибегнуть к толмачу из учеников») в 1890-х гг. официально рекомендовалась дирекцией народных училищ Олонецкой губернии.¹⁸

Большинство начинающих учителей быстро проходили первый этап вербальной коммуникации, состоявший в заимствовании отдельных слов, необходимых для выживания: приобретения продуктов, дров, предметов быта — то есть овладевали тем уровнем знания языка, который в народном обиходе называют «базарным».¹⁹ О заимствовании карелами русских слов и включении русскими служащими в свой разговорный язык карельской лексики писали учителя И. В. Оленев, К. И. Дмитриев и особенно Н. Ф. Лесков. В 1892 г. Лесков опубликовал статью «О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии». Автор отмечал, что карелы и русские живут по соседству, рождаются через браки, «угощаются» и многое заимствуют друг у друга, начиная от языка, обычаев и заканчивая покроем одежды.²⁰ В его статье приведен список из 112 слов «карельского корня», употре-

бляемых русскими жителями. Существенную их часть составляла географическая лексика, необходимая для ориентации на местности, а также названия предметов быта и блюд национальной кухни, что указывает на сферы наиболее активных культурных заимствований. Влияние особенностей построения предложения в карельском языке на характер русской речи отмечал М. Круковский.²¹

Для личного использования отдельные учителя практиковали составление словарей-разговорников, что отмечалось в некоторых ежегодных отчетах в Дирекцию народных училищ. Одно из таких кратких пособий, представлявших перевод наиболее распространенных карельских имен на русский язык, было опубликовано Олонецким губернским земством в 1902 г.: «Дегор, Дюрги — Егор, Григой — Григорий, Макой — Макар, Закки — Захар, Ехрой — Ефрем... Мари — Марина, Мардю — Мария, Марпу — Марфа».²² Составление полноценных словарей было под силу немногим, поскольку требовались специальный опыт и знания, а само изучение карельского языка еще находилось в начальной фазе.²³ Тем не менее целый ряд учителей и преподававших в школах священников, русских и карелов по происхождению, на рубеже XIX–XX вв. пробовали свои силы в сфере лингвистики. Созданием словарей занимались М. Д. Георгиевский, В. М. Никольский, М. С. Куджиев, А. Усердов и др.²⁴ Олонецкое губернское земство в 1907 г. начало оказывать финансовую поддержку энтузиастам — исследователям карельского языка и составителям картотек карельской лексики.²⁵ В помощь учителю, изучающему карельский язык, в 1908 и 1913 гг. были изданы два небольших русско-карельских словаря. Первый — на диалекте карелов-людиков был составлен русским учителем М. Д. Георгиевским из с. Святозеро Петрозаводского уезда,²⁶

²¹ См.: Круковский М. Олонецкий край. Путевые очерки. СПб., 1904. С. 38, 61.

²² Отчет о съезде инспекторов народных училищ Олонецкой губернии (организованном на средства Олонецкого губернского земства) с 1 по 15 июля 1902 г. Петрозаводск, 1902. Приложение 1.

²³ Лингвистические исследования в данной области только начиналась: финский ученый Арвид Генетц заложил основы карельского языкознания своими работами «Исследование карельского языка России» (Хельсинки, 1880) и «Исследование ливвиковского диалекта» (Хельсинки, 1894).

²⁴ См. подробнее: Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Петрозаводск, 2019. С. 69–71.

²⁵ См.: НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/2. Л. 37.

²⁶ См.: Георгиевский М. Д. Русско-карельский словарь. СПб., 1908.

¹⁶ Ранее, с 1829 до 1872 гг., преподавание карельского языка велось в Олонецкой духовной семинарии, с 1877 по 1894 гг. — в Вытегорской учительской семинарии, затем возобновилось после событий Первой русской революции в ряде учебных заведений, готовивших учителей.

¹⁷ Андропов А. Из учительских воспоминаний // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 2. С. 26.

¹⁸ См.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8437. Л. 9.

¹⁹ См.: «Краткое изложение очень сложной и большой темы...» С. 53, 54.

²⁰ См.: Лесков Н. Ф. О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 97–103.

второй — на ливвиковском диалекте — подготовил по поручению Карельского православного братства учитель-карел В. И. Королев из с. Видлицы Олонецкого уезда.²⁷

Свидетельства заимствований русскими учителями карельских вещей, технологий и практик немногочисленны, в основном эта информация носит контекстуальный характер в записках, письмах, статьях. Тем не менее упоминания такого рода говорят о давно замеченной этнологами тенденции перенимания карелами и русскими друг у друга предметов быта и орудий труда, технических навыков и методов хозяйствования, форм социальных отношений.²⁸ Учителя использовали многое из того, что было приспособлено к местным природно-климатическим условиям и необходимо для жизни и ведения хозяйства, в том числе одежду и обувь. Так, И. В. Оленев писал, что для путешествия, долгой ходьбы он использовал распространенные в Карелии легкие, непромокаемые и удобные «финские сапоги» — кенги, приводя их карельское название «нюппу кенгят».²⁹ Шведский художник Луи Спарре и финский скульптор Эмиль Викстрем, написавшие книгу о своем путешествии в Карелию в 1892 г., поместили в ней портрет кимасозерского учителя в охотничьей экипировке, в карельских сапогах и с ружьем местного производства. Характерной деталью такого костюма обыкновенно был башлык (кар. — *kukkelii*), защищающий от гнуса в лесу. При этом путешественники отметили такой прогрессивный факт, как наличие у учителя фотоаппарата и его увлечение фотографированием.³⁰ Этот частный случай ярко демонстрирует, как в учительском быту могли сочетаться элементы местной культурной традиции и технического прогресса.

Вполне понятно, что учителя пользовались средствами передвижения — карельскими лыжами и лодками, приобретаемыми у сельских мастеров. Мужчины рыбачили и охотились, также используя позаимствованные у карелов приспособления и снасти. Пользовались баней и местными предметами утвари, требовавшими особых навыков при эксплуатации. Обращая внимание на поэзию, обряды и обычаи,

учителя в большей мере выступали исследователями, наблюдателями. Отдельные из них публиковали этнографические заметки в губернской периодической печати, становясь, таким образом, трансляторами местной культурной памяти.³¹

При обработке пришкольных земельных участков преподаватели привлекали учеников, но все же в большей мере им приходилось полагаться на собственный труд. Изначально заимствуя местные варианты орудий труда, наиболее смелливые находили пути их модернизации. В начале 1880-х гг. учитель Вохтозерского (Петрозаводского уезда) одноклассного училища К. И. Дмитриев, пользуясь при вспашке земли «олонецкой сохой», создал ее вариацию для окучивания картофеля. «Ручная соха» Дмитриева быстро нашла применение у крестьян окрестных сел. В поисках способов повышения плодородия почвы учителя обращались к новаторским методам, освещавшимся в прессе, но не пренебрегали и народными, принятыми у местных крестьян, например, использовали перегной из хвои и дерна.³² Таким образом, в производственном быту также шел постоянный диалог культур — традиционной крестьянской и модернизированной, носителями которой выступали учителя. Хорошо изучив особенности производственного и домашнего быта карелов, К. И. Дмитриев создал оригинальный учебный музей миниатюрных копий орудий труда и вещей повседневного обихода, который широко использовал для обучения детей русскому языку. Благодаря ему ученики усваивали русские названия знакомых с детства предметов.³³ Таким образом, глубокое знакомство с бытом карелов становилось ресурсом для решения профессиональных задач.

Преданным делу, целеустремленным и настроенным на сотрудничество с крестьянами учителям шло навстречу и местное сообщество. В то же время педагоги, избравшие стратегию «отбывания повинности», сводили к минимуму контакты с местными жителями и были обречены на одиночество или создавали русскоговорящие мини-анклавы, островки русского

²⁷ См.: Королев В. Русско-карельский словарь. Выборг, 1913.

²⁸ См.: Клементьев Е. И., Рягоев В. Д. Некоторые особенности этнокультурного развития карельского народа (до начала XX в.) // Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 66.

²⁹ См.: Оленев И. В. Указ. соч. С. 42.

³⁰ См.: Sparre L. Kalevalan kansaa katsomassa — muistiinpanoja Kauko-karjalan retkeltä v. 1892. Porvoo, 1930. S. 73–78.

³¹ См.: Оленев И. В. Указ. соч. С. 117; Абросимова Д. Д. Публикации А. Д. Георгиевского: фольклорные материалы в статьях 1899–1905 гг. // Федосовские чтения. Материалы научно-практической краеведческой конференции. Петрозаводск, 2017. С. 56–65.

³² См.: НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 38/448. Л. 10–11; Олонецкие губернские ведомости. 1898. 18 апр. № 28. С. 2.

³³ См.: Кучепатов Н. Г. Выдающийся карельский педагог Кузьма Иванович Дмитриев // Труды Карело-Финского учительского института. Петрозаводск, 1948. Т. 1. С. 26–68.

языка в пространстве карельской культуры. Нередко такая стратегия поведения приводила к дезадаптации. И. В. Оленев отмечал: «Должностным лицам здесь вообще не сладко живется: учителя, фельдшера, лесничие, волостные писаря из русских — нередко спиваются от скуки и очень печально кончают свою карьеру».³⁴

Если пространство карельской деревни было инокультурным для русского учителя, то в стенах школы он сам устанавливал правила и нормы общения. При этом школа не оставалась вне прямого или опосредованного влияния крестьянского мира. Зависимость учителя и от школьного начальства, и от крестьян, обеспечивавших пропитание и принимавших решение об отправке детей в школу, создавала ситуацию, когда учитель оказывался «между народом и властью». Крестьяне могли запретить своим детям учиться, если поведение учителя и установленные им нормы противоречили их представлениям о задачах школы.³⁵

Организация школьной жизни в разных регионах России строилась на основе общих принципов, которые подчас сталкивались с нормами этнически своеобразной народной педагогики. Слепое следование официальным установкам и попытки формального решения стоящих перед школой задач были обречены на провал, и учителя вынуждены были корректировать и школьный календарь, и педагогические приемы с учетом местных особенностей, чтобы «приноровить школу к идеалам карелов». Попытки ввести общие для всех школ сроки учебного года не увенчались успехом.³⁶ Выясняя причины непосещения детьми школы в конкретные дни, учителя находили их в сезонном характере использования детских рук в семейной экономике. В результате учитель П. К. Успенский из с. Туломозеро считал резонным ввести в местной школе дифференцированное начало учебного года: младшие ученики приступали к учебе раньше старших, еще занятых сельскохозяйственными работами.³⁷ В карельских селениях, близких к Белому морю, начало учебного года сдвигалось на самый конец осени, когда подростки вместе с родителями возвращались с промысла семги, на который в октябре–ноябре ежегодно отправлялись целыми семьями. Учителя отмечали,

что чем ближе к морю находилась школа, тем короче был в ней учебный год. В других случаях приходилось раньше официально установленного срока проводить экзамены, переносить их на март, поскольку позже подростки отправлялись с отцами на другие отхожие промыслы. Таким образом, под влиянием местных условий, традиций школьный календарь также становился местным.

Начиная профессиональную деятельность в карельской местности, русские учителя недоумевали, почему даже по их рекомендации крестьяне не наказывают провинившихся детей. Опыт работы приводил к выводу, что школьные наказания, с точки зрения карелов, были излишне строгими. В 1872 г. на страницах «Архангельских губернских ведомостей» были опубликованы основанные на учительских наблюдениях заметки с резкой критикой таких применявшихся в церковно-приходских школах мер наказания, как стояние в углу на коленях, лишение учеников обеда и наказание розгами. Публичная порка воспринималась карелами как недопустимая мера. Не случайно местные волостные суды практически не использовали в своей практике наказание розгами.³⁸ Судя по отчетам церковно-приходских школ Олонецкой епархии за 1890-е гг., постановка в угол, на колени, земные поклоны не считались мерами грубыми или унижительными³⁹ и использовались в учебных заведениях края. Но в карельской местности, во избежание оттока школьников, учителя опасались их применять.⁴⁰ Такие табу и принципы коммуникативной культуры карельской семьи, как исключение агрессии по отношению к детям, осторожность и последовательность в применении наказаний, непререкаемый авторитет старших, проецировались на школу учителями, считавшими необходимым находить взаимопонимание с детьми и их родителями. Таким образом, в школе, где русский учитель обучал карельских детей, зарождались элементы межкультурной педагогики, основанной на необходимости учета менталитета учеников и местных особенностей культуры.

К концу XIX в. повсеместно ушел в прошлое обычай, когда учитель, нанимаемый сель-

³⁴ Оленев И. В. Указ. соч. С. 78.

³⁵ Подробнее см.: Илюха О. П. Школа и детство... С. 161.

³⁶ В 1870-х гг. были установлены единые для всех земских школ Олонецкой губернии временные пределы учебного года: он начинался 1 сентября и продолжался до 15 июня.

³⁷ См.: НА РК. Ф. 335. Оп. 1. Д. 9/145. Л. 81–82.

³⁸ См.: Оленев И. В. Указ. соч. С. 91.

³⁹ Применение в школе этих мер наказания было запрещено Циркуляром Синода от 25 февраля 1891 г.

⁴⁰ См. подробнее: Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX — начале XX века. Петрозаводск, 2010. С. 84, 85.

ским обществом, столовался поочередно в крестьянских домах, у родителей своих учеников. В народных школах, имевших общежития, или в училищах Министерства народного просвещения с относительно хорошим финансированием нанимались из местных крестьянок кухарки, готовившие незамысловатую пищу «сообразно местным условиям». Учителя и ученики питались в таких школах «из общего котла». Продукты передавались школе местными крестьянами или закупались земством. Заведующий школой в с. Аконлахти Кемского уезда Александр Меншиков вел в 1903 г. тщательный учет расходования продуктов и записывал в тетради простое, регулярно повторяющееся меню, в котором преобладала рыба, спасавшая от охватившего Карелию голода: на первое — щи или уха из трески, пикши, а в пост — из сушеных окуней (уху варили в виде «кашицы», заправляя бульон мукой, по-карельски — *rokka*); на второе — каша из имевшихся в наличии круп. Уподобление питания в детских учреждениях крестьянскому очень ценилось местным населением, а русский учитель приобщался к особенностям карельской кухни. Постепенно в рацион учителей входили и блюда из рыбы «с душком», изначально вызывавшие неприятие.⁴¹

Приведенные примеры показывают рецепцию отдельных местных обычаев, норм и правил учителями как в организации собственного быта, так и в профессиональной деятельности. Школа — место интенсивного взаимодействия культур, где дети становились посредниками между учителем и местным сообществом. Через них и через отношение к ним выстраивался основной вектор коммуникации учителя и крестьянина, задавалась рамка требований местного сообщества, на которые приходилось вольно или невольно ориентироваться учителю. Успех конкретной школы зависел не только от уровня профессиональной подготовленности учителя, но и от степени его инкультурации, погруженности в местную культуру, уровня владения карельским языком, понимания привычек и норм повседневной жизни населения, начиная от календаря промысловых работ, и заканчивая особенностями отношения к детям. Жизнь в карельской деревне предполагала овладение местными бытовыми предметами и орудиями труда. В то же время говорить об освоении глубинных, этносимволических пластов культуры не приходится. Русские учителя, успешно адаптировавшиеся в карельской деревне, сохраняли свою этническую и социальную идентичность.

Olga P. Ilyukha

Doctor of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the RAS (Russia, Petrozavodsk)

E-mail: ilyukha.olga@mail.ru

RUSSIAN TEACHER IN THE KARELIAN VILLAGE IN THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY: PROBLEMS OF ENCULTURATION AND ADAPTATION

The aim of the article is to show the spheres in which the enculturation of Russian teachers took place in the Karelian rural society of the late 19th — early 20th centuries, during the period of rapid growth of this professional group. Teachers, along with other representatives of the emerging rural intelligentsia — priests, feldshers, agronomists, as well as rural administration workers — constituted an ethno-dispersed group of Russians in the territory of Karelia. The novice teacher, carrying out the “Kulturtrager mission”, had to fit into the local society, to gain the understanding and trust of the Karelian peasants in order for the school to solve the problem of strengthening the position of Orthodoxy, role of the Russian language and enlightenment of the Karelian population, to win their loyalty through “soft power” as opposed to forced Russification. To that effect different personal strategies were implemented, the poles of which can be considered to be, on the one hand, acceptance of Karelian cultural peculiarities and enculturation, which became the basis of the adaptation process, and, on the other hand, distancing from the locals, maladaptation and social deformation. Adopting local taboos and behavioral rules, mastering the Karelian language, adjusting school pedagogy to the basic folk ideas of child rearing are typical components of social and professional adaptation of the Karelian village teacher. Based on the reports of teachers and school inspectors, teachers’ publications in the press, travelers’ notes and other sources, it is shown that in everyday life there was a spontaneous, largely situational borrowing of elements of ethnic culture, while in

⁴¹ См.: НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 5/60.

the professional sphere advanced teachers consciously took account of local cultural specifics, which resulted, in particular, in the adjustment of the school calendar and disciplinary practices at school.

Keywords: *history of Russia, Karelia, intercultural contacts, history of school, history of everyday life, professional adaptation of a teacher*

REFERENCES

- ["A Summary of a Very Complex and Large Topic": Lecture by Kirill Vasilyevich Chistov (Vasilyevo Village, Kizhi Island). Recorded by R. B. Kalashnikova, Senior Researcher at the Kizhi Museum Reserve, on June 14, 1997 (Commentary and Preparation for Publication by Ekaterina Melnikova)]. *Kunstkamera*, 2021, no. 1 (11), pp. 43–59. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-43-59. (in Russ.).
- Abrosimova D. D. [Publications of A. D. Georgievsky: Folklore Materials in the Articles of 1899–1905]. *Fedosovskiy chteniya. Materialy nauch.-praktich. krayevedcheskoy konf.* [Fedosov Readings. Materials of the Scientific-Practical Local History Conf.]. Petrozavodsk: Verso Publ., 2017, pp. 56–65. (in Russ.).
- Bleich N. O. [Educational Strategy of the Russian Power in the Northern Caucasus Regarding Muslims (60s–90s of the 19th Century)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Ideas], 2021, vol. 13, no. 3, pp. 36–45. DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-36-45 (in Russ.).
- Chernykh A. V., Vayman D. I. [Features and Interactions of the German Population of the Urals with Other Ethnic Groups (Late 19th — First Third of the 20th Centuries)]. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Problems of Socio- and Psycholinguistics], 2012, no. 16, pp. 36–41. (in Russ.).
- Gurkina N. K. *Provintsial'nyy uchitel' v dorevol'yutsionnoy Rossii* [Provincial Teacher in Pre-Revolutionary Russia]. Saint Petersburg: Poltorak Publ., 2014. (in Russ.).
- Ilyukha O. P. *Povsednevnyaya zhizn' sel'skikh uchiteley i shkol'nikov Karelii v kontse XIX — nachale XX veka* [Everyday Life of Rural Teachers and Schoolchildren in Karelia in the Late 19th — Early 20th Century]. Petrozavodsk: KarNTs RAN Publ., 2010. (in Russ.).
- Ilyukha O. P. *Shkola i detstvo v karel'skoy derevne v kontse XIX — nachale XX vv.* [School and Childhood in the Karelian Village in the Late 19th — Early 20th Centuries]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2007. (in Russ.).
- Klementyev E. I., Ryagoev V. D. [Some Features of the Ethnocultural Development of the Karelian People (Before the Beginning of the 20th Century)]. *Etnografiya Karelii* [Ethnography of Karelia]. Petrozavodsk: KarNTs RAN Publ., 1976, pp. 45–103. (in Russ.).
- Konkka A. P. [The Phenomenon of Karsikko-Zalazi in the Russian North]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2023, no. 2, pp. 22–34. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/22-34 (in Russ.).
- Korovushkin D. G. *Ocherki etnokul'turnoy adaptatsii pozdnykh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Ethnocultural Adaptation of Late Settlers in Western Siberia]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2006. (in Russ.).
- Kuchepatov N. G. [Outstanding Karelian Teacher Kuzma Ivanovich Dmitriev]. *Trudy Karelo-Finskogo uchitel'skogo instituta* [Proceedings of the Karelian-Finnish Teachers' Institute]. Petrozavodsk: S. n., 1948, vol. 1, pp. 26–68. (in Russ.).
- Lyubichankovsky S. V. *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannykh Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt orenburgskogo kraya (seredina XIX — nachalo XX v.)* [Acculturation Politics by Means of Education of Islamic Subjects of the Russian Empire: The Historical Experience of the Orenburg Region (Mid-19th — Early 20th Century)]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2018. (in Russ.).
- Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Peoples of Karelia. Historical and Ethnographic Essays]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2019. (in Russ.).
- Olenev I. V. *Karel'skiy kray i yego budushcheye v svyazi s postroykoy Murmanskoy zheleznoy dorogi* [Karelian Region and Its Future in Connection with the Construction of the Murmansk Railway]. Helsingfors: Finskoye literaturnoye obshchestvo Publ., 1917. (in Russ.).
- Pulkin M. V. [Russification in the 19th and Early 20th Centuries: The Specific Features of the Process (On Materials of the European North of Russia)]. *Studia Humanitatis*, 2017, no. 1. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28960142_72811257.pdf (accessed: 15.11.2023). (in Russ.).

Russkiye v Evrazii XVII–XIX vv. Migratsii i sotsiokul'turnaya adaptatsiya v inoetnicheskoy srede [Russians in 17th–19th Centuries Eurasia. Migration and Sociocultural Adaptation in a Foreign Ethnic Environment]. Moscow: IRI RAN Publ., 2008. (in Russ.).

Shchepanskaya T. B. [The Anthropology of Professions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, vol. 6, no. 1, pp. 139–161. (in Russ.).

Sherayzina R. M., Aleksandrova M. V., Eflova Z. B. [The Rural School and the Rural Teacher: Productive Russian and International Practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, no. 466, pp. 190–201. DOI: 10.17223/15617793/466/23 (in Russ.).

Slashchinina A. P. [The Russian Imperial Education System in the Decolonial Perspective]. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire* [Professional Education in the Modern World], 2023, vol. 13, no. 1, pp. 54–61. DOI: 10.20913/2618-7515-2023-1-7 (in Russ.).

Sparre L. *Kalevalan kansaa katsomassa – muistiinpanoja Kauko-karjalan retkeltä v. 1892* [Watching the People of Kalevala – Notes from the Excursion to Far Karelia in 1892.]. Porvoo: WSOY, 1930. (in Finnish).

Zheleznyakova Yu. E. *Zemskaya shkola Kazanskoy gubernii: 1865–1917 gg.* [Zemstvo School of the Kazan Province: 1865–1917]. Kazan: Kazansk. gos. energet. un-t Publ., 2005. (in Russ.).

Zhukovskaya T. N., Kalinina E. A. [Russian Male and Female Teachers in the Karelian Village of the 19th – Early 20th Century: Adaptation Strategies]. *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego. Materialy XII mezhdunar. nauch. konf. RAIZhI i Instituta etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN* [Women and Men in Migration Processes of the Past and Present. Materials of the 12th International Sci. Conf. of RAIZhI and the Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklouho-Maclay RAS]. Kaliningrad: Baltiyskiy federal'nyy universitet im. Immanuila Kanta Publ., 2019, pp. 242–245. (in Russ.).

Zubkov I. V. *Rossiyskoye uchitel'stvo. Povsednevnyaya zhizn' prepodavateley zemskikh shkol, gimnaziy i real'nykh uchilishch. 1870–1916* [Russian Teachers. Everyday Life of Zemstvo Schools, Gymnasiums and Real Schools Teachers. 1870–1916]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2010. (in Russ.).

Zuev A. S. [Russians in the Extreme Northeast of Siberia in the 17th – Early 20th Centuries: Dynamics, Directions and Results of Ethnocultural Adaptation in a Foreign Ethnic Environment]. *Sibir' i Russkiy Sever. Problemy migratsiy i etnokul'turnykh vzaimodeystviy (XVII – nachalo XXI veka)* [Siberia and the Russian North. Problems of Migration and Ethnocultural Interactions (17th – Early 21st Century)]. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2014, pp. 55–87. (in Russ.).

Для цитирования: Илюха О. П. Русский учитель в карельской деревне в конце XIX – начале XX века: проблемы инкультурации и адаптации // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 129–137. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-129-137.

For citation: Ilyukha O. P. Russian Teacher in the Karelian Village in the Late 19th – Early 20th Century: Problems of Enculturation and Adaptation // Ural Historical Journal, 2024, no. 2 (83), pp. 129–137. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-129-137.